

УДК 811.352.3

ББК 81.602

Б 59

Биданок М.М.

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, e-mail: marziyatbidanok@mail.ru

Синкретизм в адыгейском языке и его проявления в адыгском прозаическом тексте (на материале рассказов Х. Ашинова)

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается синкретизм как возможность слияния двух неравнозначных понятий в общей лексической единице. Приводятся различные понятия модели, обуславливающие актуальность изучения языкового явления, учитывается при этом и явная этническая оригинальность. Методика исследования основана на сравнительно-сопоставительном анализе и семантическом соотнесении текстов Хазрета Ашинова и современного адыгского языка. В качестве фактора, обуславливающего возможную синкретичность, выдвигается мотивационная обусловленность по трем направлениям. В ходе анализа особенностей синкретизма автор выводит определенные закономерности его функционирования на фоне выделения категориального ряда, доказываемого материалом прозы Х.Ашинова. В частности, первым фактором, обусловившим синкретичные явления в текстах, признается наличие непосредственной прототипической обстановки; вторым – определенная мотивационная предопределенность. Многофункциональность синкретизма обозначается в качестве частичной закономерности, способной время от времени оказываться нарушенной. В качестве доказательства предположений рассматривается ряд мотивационных линий с приведением постраничных примеров и уточнением значений. На основе проведенного языкового анализа было выявлено, что возможность слияния двух неравнозначных понятий в общей лексической единице демонстрирует языковое своеобразие синкретического явления, она носит также и явную этническую оригинальность с возможным выделением категориального ряда, подтверждаемого вышеприведенными текстовыми примерами из прозы одного из адыгских авторов.

Ключевые слова:

Язык, синкретизм, проза, адыг, Ашинов.

Bidanok M.M.

Candidate of Philology, Leading Researcher of Language Department of the Adyghe Republican Research Institute of the Humanities named after T.M. Kerashev, Maikop, Russia, e-mail: marziyatbidanok@mail.ru

Syncretism in the Adyghe language and its manifestations in the Adyghe prosaic text (from materials of Kh. Ashinov's stories)

Abstract:

Syncretism is examined as a possibility of merge of two inequivalent concepts in the general lexical unit. Various concepts of model justifying relevance of studying the language phenomenon are given with consideration at the same time of the obvious ethnic originality. The technique of research is based on the comparative analysis and semantic correlation of Khazret Ashinov's texts and the Adyghe language operating today. The motivational conditionality moves forward in three directions as the factor causing a possible syncretism. As a result of the analysis of syncretism features the author reveals certain laws in its functioning against the background of allocation of the categorial row proved by material of Kh. Ashinov's prose. In particular, existence of a direct prototypical situation is recognized as the first factor which has caused the syncretic phenomena in texts; the second is a certain motivational predeterminacy. The author of this paper designates multifunctionality of syncretism as the partial regularity capable from time to time to be broken. To prove these assumptions the author considers some motivational lines with paginal examples and specification of meanings. The language analysis has revealed that the possibility of merge of two inequivalent concepts in the general lexical unit shows a language originality of the syncretic phenomenon, it carries as well obvious ethnic originality with possible allocation of the categorial row confirmed by obvious above-stated text examples from prose of one of the Adyghe authors.

Keywords:

Language, syncretism, prose, the Adyghe, Ashinov.

В языковой структуре обнаруживается такое языковое явление как синкретизм, который совмещает в себе разные части речи. Подобное совмещение закономерно. Лингвистические исследования Н.С.Валгиной, Л.Д.Беднардской, В.А.Бересневой, Г.Г.Инфантовой, А.Т.Кукушкиной, А.А.Сребрянской и др. определяют синкретизм уже как определенную закономерность, потенциально возможную на всех языковых уровнях. В частности, диссертация И.В.Высоцкой непосредственно посвящена синкретизму в системе частей речи. Синкретическая проблематика, лишь с недавних пор признанная самостоятельным лингвистическим явлением, нуждается в более тщательном изучении. Как отмечается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», синкретизм - это: 1) совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме (с уточнением о том, что возможен с. как падежный, так и родовой, и числовой); 2) совмещение (синтез) дифференциальных структурных

и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [1: 446]. Идентично функциональные особенности синкретизма определяет и «Словарь лингвистических терминов» О.А.Ахмановой, где он рассматривается как совпадение разных форм выражения.

В ходе детализированного исследования понятия синкретического, а также обозначаемого им процесса прослеживается обширный понятийный потенциал. Между семантическим наполнением его компонентов проявляется определенная (явная или скрытая) общность, диктуемая центральным смыслом. Ввиду разнообразия и очевидной разносторонности рассматриваемой проблематики появляется несомненная потребность в разработке категориального пласта. Таковым может выступить логически связанный комплекс критериев, способный с определенной твердостью различать структурные компоненты. Синкретизм подразумевает образование

некоторого грамматически закономерного смыслового ряда. Поэтому мы и можем говорить о смысловом (семантическом) синкретизме. Возможно было его использование не только в письменном тексте, но очевидно его появление и в фольклорном тексте, а именно в устных народных песнях. Такие тексты несомненно входят в адыгскую национальную культуру, имеющую древнее происхождение.

В частности, в адыгейском слове *мыжьо* при переводе на русский язык мы можем указать существительное *камень* и прилагательное *каменный*: *мыжьо ин* – «большой камень», *мыжьо ун* – «каменный дом». *Дышьэ* – «золото и золотой» *нысэм дышьэ ратыгъ* «невесте подарили золото». *Дышьэ сыхьат къыфащэфыгъ*. – «Ему купили золотые часы». Такое же положение и в английском языке: так, в частности, английскому слову *stone* в русском языке соответствуют «камень» и «каменный»: ср. *big stone* «большой камень», *srone haus* «каменный дом». Аналогично и в текстах Х.Ашинова: *чэф* – «веселый» и «хмельной» *к1элэ чэф* «веселый парень», *чэф и1* «состояние опьянения»; *напцэ* – «бровь» и *нэпцэ зэхак1* «бровастый»; *непэ* – «сегодня» и *непэрэ* «сегодняшний»; *фабэ* – «суп с кусочками теста» и «теплый»; *шьыпкъа* – «правда» и «правильный».

Возможно также совмещение имени и глагола, например, *к1он* – *сэкло* («идти – иду») является глаголом, а *к1оныр* (*иклас*) – именем. Так и в прозе Х.Ашинова: *псэлыхъо* «жених» и *псэлыхъо* (*кло*) «идти на сватовство». Таким образом, в прозе Х.Ашинова, часто функционируют синкретические единицы.

По мнению А.Н.Абрегова, «Писатель – носитель и творец национальной культуры. Пользуясь общенародным языком своего времени, он отбирает, комбинирует и в соответствии со своим творческим замыслом мастерски использует лексическое богатство и грамматический строй родного языка» [2: 22].

Другим фактором, предполагающим возможную синкретичность слова, может выступить мотивационная обусловленность: 1) описательная; 2) коммуникативная; 3) эмоциональная. Причем данная категориальность способна объединять в одной лексической единице одновременно несколько мотивационных линий, которые по мнению А.Н.Абрегова, «являются ясно и четко мотивированными словами, поскольку их внутренняя форма прозрачна» [3: 112]. Так, в частности, в прозе Х.Ашинова слове *адэ* представляет собой синкретичное совмещение по указанным выше мотивационным признакам. Слово *адэ* имеет следующие значения: 1) «там» (*Адэ чъэри нэсыба* («Туда беги, достигни»)); 2) «да, разумеется» (*Адэ щыльыба...* («Конечно, лежи...»)); 3) «подумаешь (выражения удивления)» (*Адэ джащ фэдэ горэ...* («Подумаешь, такой какой-то...»)). Таким образом, происходит совмещение различных смыслов, переданных различными частями речи: и наречием, и частицей, и порой глаголом. Аналогично глагол *зыгъэзэн*, имеющий значение «повернуться к кому-либо, чему-либо» и «брать сторону кого-либо», выступает в тексте в значении физического поворота телом (*зызэригъэзэк1ыгъ*), данный глагол можно трактовать в значении морального поворота героини к собеседнику (*зыкъызэрегъэзэк1ышь*).

Как отмечает А.Н.Абрегов, порой «только этимологический анализ позволяет реконструировать исходное звучание, восстанавливать прежнюю структуру, мотивационные признаки, легшие в основу слова, и его первоначальное значение» [3: 111]. Смысловое содержание синкретизмов можно установить в контексте. Это убедительно доказывает материал художественных текстов Х.Ашинова, где представлены три мотивационные линии:

1. Описательность. Ввиду активной частоты синкретичного совмещения смыслов в ходе описательных изложений остановимся в качестве примера лишь на

одной из страниц рассказа Х.Ашинова («Кушгъэ» («Люлька»)) – с. 50. Имеющее в адыгском языке синкретичное совмещение значений слово *апч* обозначает стекло в двух значениях – и тонкое, и оконное. В рассматриваемом тексте чаще функционирует второе значение. Так, в данном семи-страничном фрагменте на указанной странице, обсуждая последствия снеговых вихрей, супруги в первую очередь видят стекло на окне *апч цтыгъэ* «замерзшее стекло». Либо на той же странице автор, описывая героиню, использует слово *ежъэ*, что означает «трогаться с места» и «отправляться в путь» в первом из значений и подтверждает данный выбор еще через несколько строк, когда уже героиня сама описывает свои действия посредством того же глагола. Или здесь же, описывая бросившегося к застывшему окну персонажа, он в глаголе *ечъэлэн* (со знач. «подбежать к чему-либо» и «скапливаться, собираться где-либо») также дает первое значение.

2. Коммуникативность. В роли неоднократно используемой в процессе коммуникативного взаимодействия идентичной модели, содержащей несколько значений, но применяющей один, хотя и многократно, выступают: *мыдэ* (со знач. «сюда», частица «как») – с применением первого *хъун* (со знач. «настать, наступить» и «да, ладно, хорошо») – первого.

3. Эмотивность. К эмотивной лексике также можно отнести ряд художественных средств, приводимых Х.Ашиновым. К примеру, уже на первой странице, ха-

рактерологически рисуя свою героиню и говоря о ее стремлениях, он уточняет ее «единственное намерение» при помощи прилагательного *закъу*. Таким образом, имеющее два значения: «одинокий» и «единственный», первое из которых возможно только в сочетании с одушевленным лицом, оно верно используется во втором из них. Либо на той же и еще на двух следующих страницах в эмоциональных диалогах или авторских комментариях обязательно встречается *нахъ* (со знач. «если бы» и «более») – во втором смысле. Столь же активно и прилагательное *цлыклу* (со знач. «маленький (размером)» и «малолетний (возрастом)»): эмоциональные диалоги на каждой странице обязательно содержат это уменьшительно-ласкательное средство.

Говоря о разнообразии языково-стилевых средств, А.Н.Абрегов пишет: «Писатели умело используют выразительные средства языка, его лексическое богатство и структурное многообразие» [4: 22]. Как было выявлено, возможность слияния двух неравнозначных понятий в общей лексической единице демонстрирует языковое своеобразие синкретизма. Она носит также и явную этническую принадлежность с возможным выделением категориального ряда, подтверждаемого вышеприведенными текстовыми примерами из прозы Х.Ашинова [5]. Это доказывается и бесспорной вероятностью наличия аналогичных образцов в адыгейской прозе более широкого круга писателей.

Примечания:

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
2. Блипашаова М.Д., Абрегов А.Н. Функционирование непроизводных и производных лексем - имен существительных в текстах художественных произведений Т. Керашева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2016. Вып. 1. С. 21-25.
3. Абрегов А.Н. Структурно-мотивационная интерпретация ряда лексем адыгских языков: этимологические этюды // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 2 (99). С. 111-114.

4. Блипашаова М.Д., Абрегов А.Н. Указ. соч.
5. Ашинов Х.А. И зимою гром гремит (на адыг. яз.). Майкоп: Адыг. областная типография, 1958.

References:

1. Linguistic Encyclopaedic Dictionary / ed. by V.N. Yartsev. M.: Sov. Encyclopedia, 1990. 683 pp.
2. Blipashaova M.D., Abregov A.N. Functioning of non-derivative and derivative lexemes of nouns in texts of T. Kerashev's literary works // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2016. Iss. 1. P. 21-25.
3. Abregov A.N. Structural and motivational interpretation of a number of lexemes in the Adyghe languages: etymological etudes // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2012. Iss. 2 (99). P. 111-114.
4. Blipashaova M.D., Abregov A.N. The mentioned work.
5. Ashinov Kh.A. And in winter thunder rumbles (in the Adyghe language). Maikop: Adyghe regional printing house, 1958.